

ПЕРСОНА

Экстравагантная стерва, рабочая лошадка, трепетное создание — не каждая леди способна примерять все эти маски по очереди, а тем более носить их одновременно. Редкая женщина вправе похвастаться тем, что с возрастом она становится все привлекательней. И уж совсем уникальный случай, когда актриса с величественной иронией принимает определение "двухметровый крокодил с улыбкой Моны Лизы". Этот уникальный случай — Татьяна Васильева. Она — ходячий секс. Она — self-made woman. Она — королева антрепризы. В безумный график ее жизни можно вписаться только на бегу. В 8 утра она сошла с питерского поезда после гастролей. Потом у нее запланирован разгон облаков. В 10 утра — подвиг (то есть спортзал). В 16.00 — война с Англией (то есть интервью). Времени на сон не остается. Вечером снова работа.

— С Трушкиным? Я начала было с ним общаться, а теперь уже точно никогда не буду. Произошла ситуация для меня дичайшая, но я не хочу о ней рассказывать. Он меня позвал, я пришла, мы начали одну работу... А потом расстались навсегда.
 — У вас был профессиональный конфликт или личный?
 — Я не знаю. Мне никто не сообщил и не объяснил, что случилось. Но я опять оказалась у разбитого корыта. И значит, я сама виновата: если один раз со мной так поступили, то почему второй раз не поступить так же? Я непросителюную роскошь себе позволила — пришла туда, откуда меня однажды уже убрали. Мной руководило лишь желание сделать интересный спектакль, я хотела работать с Ромой Карцевым. Было потрачено много времени и сил... И я еще раз получила шикарный щелчок по носу, так мне и надо.
 — Тот спектакль сейчас существует без вас?
 — Я не интересуюсь. Дошли слухи, что он репетирует с Чуриковой и с Хазановым.
 — В свое время ваш скандальный уход из Маяковского прогремел на всю Москву.
 — То была в чистом виде сфабрикованная акция. Я не приехала на спектакль. Но все в театре отлично знали, что я и не должна приехать, потому что у меня работа в Питере. Это была ужасная история: должен был идти спектакль "Закат", пришел зал, сел... К зрителям вышли и сказали: "Из-за того, что артистка Васильева не явилась, все могут идти домой". То есть меня еще и подставили перед зрителями. В результате я получила предложение уйти и ушла.
 — Из "Школы современной пьесы", от Райхельгауза, вы тоже порывались уйти. Но потом вернулись.
 — С Райхельгаузом проще. У нас уже сложившиеся отношения, уходы-приходы. У него есть хорошая черта — он долго зла не держит. У нас были конфликты, но он первый мне звонил и предлагал новую роль. Он и сейчас предлагает. Но я сильно загружена, не хочу, чтобы из-за меня что-то срывалось. Поэтому играю там всего два спектакля: "Чайку" Чехова и "Чайку" Акунина.
 — У вас нет желания осесть на постоянном месте работы?
 — Нет, я уже нигде не осяду. Я выбрала свой путь и пойду до конца. И потом — есть ли у меня время осесть и ждать, когда обо мне вспомнит главный режиссер? Я не могу себе такого позволить.
 — Почему вас совсем не видно в кино?

— Татьяна, вы всегда были строптивой девочкой?

— По природе своей скорее наоборот. Но тот миф, который обо мне сложился, вполне меня устраивает. Я бы очень хотела быть такой, какой меня считают. Пусть думают, что я — женщина, которая умеет за себя постоять. И с которой нельзя обращаться так, как иногда со мной обращаются.
 — Неужели так часто приходится обороняться?

— Я по-другому отстаиваю свои права на жизнь: я просто ухожу ото всех... Хотя иногда и меня "уходят". Но я успокаиваю себя тем, что это к лучшему. И действительно, так оно и получается.
 — Вы сейчас где?

— Моя трудовая книжка — в театре "Школа современной пьесы". А сама я — везде. Работаю очень много: в разных антрепризах, с разными продюсерами, режиссерами и партнерами. И постоянно пополняю список своих новых ролей. Несколько дней назад сыграла премьеру спектакля "Бумеранг" в антрепризном Театре комедии режиссера Алексея Кириченко. Мне кажется, у нас получилось очень забавное зрелище.
 — Честно говоря, со стороны ваша жизнь выглядит как полнейшее безумие. Зачем такая гонка? Может, это способ бегства от чего-то?

— Нет, я ниоткуда и никуда не бегу. Наоборот, очень люблю приезжать домой. Просто жизнь так заставляет: мне нужно работать, нужно зарабатывать. Всегда есть страх перед завтрашним днем: когда утром просыпаешься, бац — и ты банкрот. Когда мне предлагают хорошую пьесу, да еще и с хорошим режиссером, я не в состоянии отказаться. Даже если занята по горло. Наверное, в этом есть какая-то аномалия...
 — Точно. Не может женщина так вкалывать. Не должна.

— Не должна, но может. Женщина может все... Конечно, когда-нибудь я выдохнусь, но пока держусь.
 — Вы часто упоминаете о необходимости кормить семью. А ведь у вас уже довольно взрослые дети...

— Филипп только что закончил юридический факультет в университете землеустройства, скоро устроится на работу, начнет помогать. Он и сам изнемогает от того, что сидел у меня на шею столько лет. А дочке Лизе всего 16 лет, она учится на первом курсе РГГУ, на факультете радиотележурналистики. Так что еще лет пять я должна ее поддерживать.
 — Вы очень редко говорите о мужчине, фамилию которого носите, — об Анатолии Васильеве, вашем первом муже и отце Филиппа.

— Все, что я могу о нем сказать, укладывается в одну фразу: я очень давно его не видела. Лет, наверное, восемнадцать. С Филиппом он тоже не общается. Я ничего практически о нем не знаю.
 — И он никогда не помогал сыну? Или вы не разрешали?

— Ну почему же? Я была бы не против. Но мужчины часто впадают в заблуждение, которое им на руку. Им нравится, например, изобразить обиду, даже если она совершенно не к месту. Состояние обиженного человека очень удобно, когда надо ребенка на ноги ставить. Мужчины так устроены — они любят своих детей до тех пор, пока любят женщину. Как только отношения иссякают, мужчина чаще всего забывает о детях. Это проверено горьким опытом. Но теперь-то что говорить?! Я сына уже подняла, он взрослый, умный, способный. И я очень рада, что это только моя заслуга и мне ее ни с кем не нужно делить.
 — Филипп не спрашивает, почему отец ни разу не появился на горизонте?

— Филипп знает всю нашу историю, пережил ее вместе со мной. Он был свидетелем всего, что происходило в моей жизни. Когда начались сложности в семье, сыну было тогда четыре. Когда ему исполнилось лет семь, мы с Васильевым расстались. Между нами прекратились всякие контакты. Я старалась сохранить Толю хотя бы для сына, отправляя Филиппа в ту семью, где жил отец. Он ходил туда по выходным. Но потом я узнала, что его принимают совсем не так, как я

РАССТАВАТЬСЯ — ЛЕГКО!

себе представляла и как он мне рассказывал. И я не обиделась, когда это все прекратилось.

— Тем не менее вы оставили фамилию Васильева. Это знак того, что между вами сохранилась некая связь?

— Связи никакой нет. Я очень не люблю расставаться врагами, пытаюсь сохранить отношения при малейшей возможности. Но с Толей такой возможности, к сожалению, не получилось. Между нашими встречами проходит полжизни. Хотя он мне очень симпатичен, он интересный актер. Мне кажется, я могла бы ему помочь в профессии, что-то посоветовать. Но, видимо, мои советы не нужны. А что касается фамилии — ну какую мне еще брать? Уже и сын у меня был Васильев, и меня саму знали как Васильеву. Возвращаться к моей девичьей фамилии Ицкивич — тоже как-то глупо. Поэтому я осталась как есть.

— Ваш бурный роман и брак с актером Георгием Мартиросяном тоже не поместились в тесных рамках семейного гнезда. Говорят, сейчас между вами идет молчаливая необъявленная война.

— Нет, это преувеличение. Хотя Георгий тоже, наверное, на меня обижен. Но у нас — особый случай. Мы в разводе, но мы общаемся. Надолго расстанемся, больше года можем не видеться, но хотим друг о друге слышать, а потом случайно или неслучайно происходит встреча, и мы начинаем снова общаться. И такие отношения меня устраивают. Это и свобода, и своеобразная дружба. А главное — мы не докучаем друг другу. Ведь у нас взгляды не совпадают ни в чем, разногласия сплошные! А так — мы разбежимся, остынем и можем снова спокойно воспринимать друг друга. Но самых болезненных тем договариваемся не касаться.

— Лиза много времени проводит с папой?
 — Да, они встречаются, довольно часто, он берет ее с собой отдыхать... Всегда лучше сохранить человека, чем воевать с ним. И мне кажется, Георгия я сохранила. Для Лизы, для себя в какой-то степени. Я никогда не задаю ему никаких вопросов, я уже перешагнула через это. Я знаю о его романах, о его увлечениях разными женщинами. И абсолютно спокойно к ним отношусь.
 — Альянс с Никасом Сафроновым был придуман для прессы или у вас правда случился роман?

— Да, роман случился, хотя и довольно давно. Я была очень увлечена Никасом. Мы вместе ездили отдыхать, с ним очень интересно разговаривать, он необычный человек. Пресса представляла его в не очень выгодном свете. И он сам на себя напускает дымку какого-то. А я знаю, что он гораздо глубже, чем хочет казаться... Это мое знакомство, думаю, будет продолжаться всегда. Период острых отношений мы уже прошли и сейчас тоже не задаем друг другу вопросов — есть кто-то другой или нет. Это неважно.

— Вам не кажется, что он просто использует известные имена, в том числе и знаменитых, красивых женщин?

— Не думаю, чтоб он использовал женщин. Да и для чего? Чтоб она позировала? Это ему не нужно. Чтоб завалил ее в постель? Это тоже само собой произойдет, без особых усилий. Насколько я понимаю, он просто так пробивается. Ему надо карабкаться вверх, вот он и занимается саморекламой. И в этом он преуспел: его знают, причем не столько по работам, сколько по тому, как часто он везде мелькает. Здесь наше главное с ним расхождение — Никас считает, что публич-

ный человек должен вести себя именно так. Но я его знаю другим, я видела, как он творит, какие у него натруженные руки, как они у него болят. Вот что мне в нем нравится. Мне бы хотелось посоветовать ему экономнее расходовать себя. Он ведь пишет только ночью. Все остальное время уходит на общение с нужными людьми.

— На данный момент вы с кем-то?
 — Нет. Я в свободном полете. Есть, конечно, какие-то люди, которых я интересую, их внимание мне безразлично. Но я не могу тратить время на них. Тыщу раз подумаю — пойти вечером в ресторан с приятным человеком или лечь дома в любимую постель с книжкой. Я сейчас иначе отношусь к своему свободному времени, потому что у меня его катастрофически мало.

— О чем вы ни говорили — везде сквозит прагматичная, капиталистическая модель отношения к жизни. Может, вы как человек западного стиля и к психоаналитику ходите? Или в себе все носите?

— В себе я не могу все носить, тогда можно просто разорваться в клочки. Я очень откровенна со своими детьми. И они со мной тоже. Сейчас они повзрослели, и я потихонечку стала выводить их на такие темы, которых раньше не касалась: и обо мне, и о моей личной жизни. Они в курсе всего — где я бываю, с кем. Они могут одобрять мой выбор или не одобрять, давать советы. Чаще всего то, что они говорят, я и сама знаю. Допустим, вижу, что отношения обречены. Но по некоторым нюансам все-таки их продолжаю. Я ведь большую часть жизни выросла с себе подобными, с актерами, режиссерами. Поэтому когда встречаю человека совершенно другой профессии, он мне очень интересен какое-то время — пока я не выисхожу из него всю информацию, которая меня питает. А потом я прерываю отношения.

— Вы говорите как настоящая амазонка. Неужели никогда не попадаете в психологическую зависимость?

— Бог миловал. Я ничего не должна, ни у кого ничего не беру. Поэтому расставаться очень легко.
 — Как вы предельно мечтаете? Что нужно, чтоб вы перестали вкалывать — вилла на Майями, остров в окяние, увитый розами?
 — Не отказалась бы, конечно. Но я столько не зарабатываю. Да и не моя это мечта. Моя мечта — увидеть своих детей такими же счастливыми в профессии, как я сама. Поэтому я работаю на их образование. Меня иногда называют сумасшедшей матерью. Я не знаю предела своим чувствам. Не умею запрещать, мне ничего для них не жалко. Словом, не умею я воспитывать. Если им что-то нужно, они тут же это имеют.
 — Обычно такие дети вырастают капризными и неблагодарными.

— Нет. Они другие. Все-таки я часто разговариваю с ними. Они видят, сколько я работаю, они видят, куда все это уходит — только в них. Мне

Татьяна Васильева:
 "ВСЕ, КОГО Я ЛЮБИЛА, НЕ МОГЛИ ОБЛЕГЧИТЬ МОЮ ЖИЗНЬ"

Дети — Филипп и Лиза — уже выросли. А Татьяна Васильева по-прежнему остается сумасшедшей матерью.

самой ничего не нужно, у меня все есть.
 — Не боитесь, что они разрушат ваши планы, заявив в одночасье: "Не хочу учиться, а хочу жениться!"

— В силу своих буржуазных наклонностей я провозу с ними беседы и на эти темы. Работа ведется постоянной — чтобы сейчас не было никаких замужеств и женитьб. Тем более что мой сын уже успел жениться в 17 лет. А я об этом даже не знала! Да, преподнес он мне такой сюрприз — привел домой жену, совсем юную девушку. Причем они обвенчались, а не поженились. А ведь это еще серьезнее, чем загс. Они жили здесь, в его комнате. Она тоже училась в институте. В результате все это закончилось очень плачевно.

— Что значит — плачевно?
 — Они расстались. Они были очень непримиримы друг к другу, это в любом случае кончилось бы плохо. В результате мне пришлось вмешаться. И я сказала свое окончательное слово... Теперь Филипп, думаю, не жалеет об этом. Он осознал, что не потянет сейчас жену, что ее надо содержать. Поэтому надо сначала встать на ноги. Я и Лизе все время твержу, что ранние браки редко оказываются прочными. Выскочить замуж, родить ребенка — большого ума не нужно.

— Я знаю, что помимо детей вы вкладываете много средств в свою внешность и здоровье.
 — Да, я всерьез занимаюсь спортом, стараюсь следить за собой. Вот сегодня с поезда все мои коллеги помчались домой спать, а я — рюкзак на плечо и вместе с Филиппом — в зал, на тренажеры. Не могу видеть себя, когда мое тело становится отвратительным. Если вечером спектакль, утром я обязательно иду в зал. Может, это психоз какой-то, но мне кажется, иначе будет заметно, что я не в форме, что я сутулая, что у меня большой зад. У меня очень много комплексов. И зал мне помогает от них избавляться.

— Похоже, с режиссерами вы расстаетесь так же, как с мужчинами — без тени сожаления. С Леонидом Трушкиным вы действительно порвали любовные отношения?

— А мне там нечего делать. Ну кого мне играть? В сериалах я себя не представляю. А хорошим режиссером, которые снимают настоящее кино, я не нужна, потому что им не нужны сильные актеры. Им нужен актер, который выполнит поставленную задачу без собственной инициативы, без своей индивидуальности. Например, Дакуняйте, которая все время у Михалкова снимается, — красивая актриса, ее снимай и снимай, ей и играть ничего не надо. А мне-то сыграть хочется, а не сфотографироваться.

— Может, стоит чаще посещать тусовки и фестивали?
 — Боже упаси. Там такое убожество. Я на паре фестивалей побывала и поняла, что это не для меня. Во-первых, я не могу столько пить. А если я начну делать разминку или пробежку, все подумают, что я специально что-то изображаю. Что мне там делать? Производить впечатление на режиссера? Или спать с ним? Зачем? Пусть он пойдет в театр и посмотрит, на что я способна.

— Вы не пробовали устроиться старым, верным способом — найти богатого спутника и кататься как сыр в масле?

— Да пробовала, вроде бы. Но сбегала каждый раз. Не умею долго выносить человека, который мне безразличен. Тем более вступать с ним в близкие отношения. А все, кого я любила, не могли облегчить мою жизнь. Что такое "сыр в масле"? Я не знаю.

— Это когда о вас кто-то заботится. Когда не вы решаете проблемы, а кто-то другой их решает.

— Нет, такого у меня не было. И к сожалению, думаю, уже не грозит. Было бы глупо с моей стороны чего-то ждать от кого-то. Кому я нужна? К тому же я не произвожу впечатления женщины, которой требуется опека. Тут ничего не подделаешь, такой у меня вид — очень защищенный и неприспугнутый. Это только вид... А впрочем, это неважно.